

Борис Годунов и его семья в зеркале русской средневековой многоименности¹

© 2020

УДК 94"15/16"Годуновы
ББК 63.3(2)4

Поступила в редакцию 02.04.2020

Средневековая русская многоименность во всей ее полноте лишь в последние несколько лет стала объектом пристального изучения. До недавнего времени некоторые весьма важные ее аспекты — такие, например, как возможность иметь в миру два христианских имени одновременно, — испытывали явный недостаток в системном анализе, а соответственно обрастали ономастическими мифами и ошибочными построениями. Под пером исследователя одно и то же лицо мужского пола с легкостью могло превратиться в двух родных братьев, а женщина, обладавшая двумя именами, — в двух разных жен одного и того же исторического деятеля.

С другой стороны, недостаточная осведомленность относительно структуры полиномии могла приводить не только к появлению лишних, никогда не существовавших людей, но и к присутствию у вполне реальных людей — лишних, фантомных имен, которых у них не было, а зачастую и не могло быть. Особенно «не повезло» в этом отношении Борису Годунову и его семье. Тетка царя, Стефанида / Матрена, жена его дяди Дмитрия Ивановича Годунова, которую царевна Ксения Борисовна в письмах вполне закономерно именвала *бабушкой* [Тюменцев, Тупикова, 2018. С. 945, прилож. 1], трансформировалась в историографической традиции в двух самостоятельных женщин (Матрену и Стефаниду) с собственными привычками и художественными предпочтениями [Литвина, Успенский, 2018/1]. Сам же царь оказался обладателем целой грозды имен, где смешались христианское и нехристианское, мирское и иноческое. Сейчас, как кажется, у нас появилась возможность разобраться с этой путаницей и значительно скорректировать наши представления о личных именах и небесных заступниках царской семьи.

¹ Более развернутая версия данного исследования в ближайшее время будет опубликована в 1-м выпуске 9-го тома журнала «Slověne» за 2020 г.

Прежде чем перейти к обсуждению каждого из годуновских антропонимов, сформулируем кратко ряд общих правил и закономерностей, которым была подчинена русская полиномия во второй половине XVI — начале XVII в.

1. Обязательным для каждого христианина на Руси было одно-единственное имя — крестильное. У множества людей от рождения до смерти только оно и было, и они пользовались им во всех мыслимых ситуациях, интимных и публичных, светских и церковных.

2. Бок о бок с одноименными людьми существовали обладатели мирской двуименности, когда в публичной жизни человек пользовался по преимуществу одним именем, а в некоторых сферах религиозной жизни — другим. Двуименность эта могла быть, в свою очередь, двух типов: более древней, так сказать, классической ('христианское крестильное имя + нехристианское имя', ср. *Назарий / Бажен*) и более молодой, устроенной по модели 'христианское крестильное имя + христианское публичное имя' (*Софония / Георгий*).

3. Одно и то же лицо в миру могло быть одновременно носителем двух типов двуименности, т.е. его антропонимическое досье могло состоять из трех единиц — христианского крестильного имени (*Иван*), христианского публичного имени (*Василий*) и нехристианского публичного имени (*Помяс*). Строго говоря, антропонимов могло быть и больше: зримых ограничений на количество нехристианских публичных имен, судя по всему, не было, по крайней мере, известны случаи, когда их было два или три. Христианских же имен у мирянина, если человек не менял конфессиональной принадлежности и не выдавал себя за другое лицо, бывало никак не более двух (христианское крестильное и христианское некрестильное).

4. Принимая монашеский постриг, человек, как правило, получал новое христианское имя. При этом те имена, которыми он пользовался в миру, как христианские, так и нехристианские, отнюдь не исчезали полностью из его жизни — происходило своеобразное накопление антропонимов. Монашеское же имя в эту пору чаще всего было одно, появление еще одного именованного при пострижении в великую схиму еще оставалось большой редкостью — широко такая практика распространится лишь с середины XVII в. [Успенский Б., Успенский Ф., 2017. С. 40–81, 123–131].

5. Нехристианские и христианские имена являли собой две автономно функционирующие системы — для этой эпохи неизвестны случаи, когда в качестве нехристианского имени использовался перевод имени христианского.

6. Все христианские имена одного и того же лица находятся в нежесткой и необлигаторной связи друг с другом. В центре этой микросистемы находится имя крестильное. Существует массовая тенденция подбирать к нему второе христианское мирское имя по календарю (так, чтобы день празднования святому тезке по крестильному имени не слишком далеко отстоял от дня празднования святому тезке по второму христианскому имени — ср., например, светские имена князя Пожарского, *Косма* и *Дмитрий*, при том, что память св. Космы празднуется 1 ноября, а св. Дмитрия — 26 октября). Еще более массовой, пожалуй, но тоже не строго обязательной, являлась практика подбора

монашеского имени к крестильному на основе их созвучия (чаще всего речь идет о простом совпадении начальных звуков, *Василий* в крещении становится *Варлаамом* в иночестве, обладатель крестильного имени *Никита* постригается как *Никодим* и т.п.) [Литвина, Успенский, 2018/2].

7. В правящем доме Рюриковичей в XVI столетии наблюдается тенденция к изменению модели светской христианской двуименности. В эту эпоху крестильное имя династа и его публичное христианское имя все чаще совпадают, а на долю еще одного христианского имени остается лишь функция своеобразного благочестивого придатка, маркирующего день появления представителя правящего дома на свет (см. об этом подробнее: [Литвина, Успенский, 2019/1]).

Возвращаясь теперь к именам Годунова, можно констатировать, что во множестве аутентичных источников стабильно фиксируются два антропонима — мирское *Борис* и монашеское *Боголеп*. Иноческое имя *Боголеп* на Руси давалось исключительно тем, кто был *Борисом* в крещении [Успенский Б., Успенский Ф., 2017. С. 105–107]. Соответственно, у нас есть все основания полагать, что у царя имя *Борис* совмещало в себе функции крестильного и публичного.

Между тем в знаменитом «Каталоге древнерусской живописи» В.И. Антоновой и Н.Е. Мнёвой приводится куда более обширная коллекция царских антропонимов — здесь сообщается, что у Бориса были еще и такие имена, как *Богдан*, *Феодот* и *Иаков* [Антонова, Мнёва, 1963. Т. II. С. 185–186. № 588]. Это указание легло в основу целой исследовательской традиции, которая вплоть до сегодняшнего дня признает за Борисом Федоровичем все эти именованья.

Как уже говорилось (п. 3), трех христианских имен в миру у одного и того же человека быть не должно, а в данном конкретном случае — заведомо и не было. Имя *Иаков* применительно к Годунову было почерпнуто составителями каталога у замечательного этнографа Н.Н. Харузина [Харузин, 1899. С. 170], который, в свою очередь, опирался на «Историю государства российского» Н.М. Карамзина [Карамзин. Т. XII, примеч. 194]. Карамзин же оказался жертвой технической ошибки, неверного прочтения синтаксической сопоставительной конструкции *таков... яков* из «Повести како восхити царский престол Борис Годунов» — союзное слово *яков*, вероятно из-за беглости просмотра, было воспринято как имя собственное. Эта ошибка была выявлена достаточно рано, еще в первой монографии С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» [Платонов, 1888. С. 28–29, примеч. 1], однако в научной традиции его совершенно верное замечание было проигнорировано, а ошибочное утверждение Карамзина, напротив, прижилось и переходило из исследования в исследование.

Что касается имени *Богдан*, то ни в одном источнике — будь то развернутый письменный текст или лаконичная надпись на артефакте — оно применительно к царю Борису не зафиксировано. Именование это в чистом виде является плодом исследовательской реконструкции и при том реконструкции,

противоречащей сразу по нескольким параметрам традиции имянаречения XVI–XVII вв. Соответственно, нет решительно никаких оснований полагать, что оно у царя Бориса было².

Гораздо сложнее и интереснее обстоит дело с традиционно усвояемым Борису именем *Феодот*. Дело в том, что на иконах, окладах и росписях, определенно связанных с семьей Годуновых, нередко появляется св. Феодот — он фигурирует среди небесных тезок членов царской семьи, соседствуя со свв. Борисом, Феодором Стратилатом, Марией Магдалиной и преподобной Ксенией Миласской (Римлянкой).

При этом мы можем быть уверены, что св. Борис (и часто фигурирующий вместе с ним св. Глеб) были небесными патронами самого царя Бориса. Мария Магдалина — это патрональная святая царицы Марии Григорьевны Годуновой, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, запись во Вкладной книге Ипатьевского костромского монастыря³. В свою очередь, св. Ксения Римлянка, вне всякого сомнения, была покровительницей их дочери, Ксении Борисовны. Что же касается св. Феодора Стратилата, то он явно соотносится с фигурой царевича — Федора Борисовича, который был наречен в честь своего деда, Федора Ивановича Кривого, и, по всей видимости, унаследовал его патронального святого. Фигура св. Феодота могла бы показаться здесь несколько избыточной, однако мы знаем, что на такого рода групповых патрональных изображениях порой отражаются сразу два имени кого-то из членов семьи, публичное и непубличное. С кем же в таком случае связана фигура св. Феодота?

Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо определить, кто именно из нескольких святых тезок, носивших это имя, явлен нам на этих изображениях. Довольно регулярно на соответствующих артефактах фигурирует надпись «Феодот Анкирский». Мы видим ее, например, на двух иконах письма Прокопия Чирина (и та и другая называются «Избранные святые», на них представлены свв. Борис и Глеб, Феодор Стратилат, Феодот Анкирский, Мария Магдалина и Ксения Римлянка) [Антонова, Мнёва, 1963. Т. II. С. 331–332].

- 2 Имя *Богдан* было весьма популярно в эту эпоху, но будучи именем нехристианским, никогда не являлось чем-то потаенным и интимным, но, напротив, всегда функционировало как публичное. Попросту говоря, если человека звали *Богданом*, то именно *Богданом* его и называли, как в обиходе, так и во всех светских и некоторой части церковных документов. Годунова же, повторимся, ни во время его царствования, ни до его восшествия на престол ни разу так не именуют. Кроме того, в каталоге Антоновой и Мнёвой *Богдан* называется «прямым именем» царя, тогда как во всем массиве доступных нам источников термином «прямое имя» может обозначаться исключительно имя христианское, чаще всего полученное в крещении (ср. в этой связи: [Литвина, Успенский, 2018/2. С. 245–246]). *Богдан* же всюду последовательно маркируется и описывается источниками как имя нехристианское, не связанное с церковным календарем.
- 3 «... на Марьины иманины Григорьевны, июля въ ꙗв [22] де": на пама^т Маріи Магдалины» (Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живончальные Троицы в Ыпацкий монастырь. 1728. Костромской музей-заповедник (КМЗ КОК 24010). Л. 15 об.).

№ 805, 806], есть соответствующая подпись и на черневой дробнице с оклада иконы «Богоматерь Смоленская» [Тренев, 1902. С. 54, 64–65. Табл. VI. № 15; Мартынова, 1999. С. 318, 322. Ил. 4], на дробнице сударя «Троица» (вклад Бориса Годунова) [Балдин, Манушина, 1996. С. 383. Ил. 312] и на дробнице с надгробного покровца царевича Федора Борисовича⁴. Судя по описи ризницы Кирилло-Белозерского монастыря, там имелся «образъ мѣстной Господь Саваоѣ, по сторонамъ въ моленіи Борисъ и Глѣбъ да Ѳедоръ Стратилать да Ѳедотъ Ангирскій да Марія Магдалина да преподобная Ксенія» [Савваитов, 1861. С. 138–139]. В Приходно-расходной книге Новодевичьего монастыря 1603–1604 гг. сообщается, что в келье царицы-инокини Ирины Годуновой в числе прочих имелись иконы «Борис и Глеб и Марія Магдалина» и «Феодор Стратилат, Феодот Анкирскій и преподобная Ксенія» [Источники, 1985. С. 85. Л. 11 об.].

Лишь единожды на иконах годуновского круга мы обнаруживаем эпитет «Киринейскій», который обычно применяется к другому обладателю этого же имени (о нем нам еще предстоит говорить ниже).

Кроме того, в целом ряде случаев иконы и предметы озаменованы лишь общим указанием, что перед нами мученик или священномученик Феодот, а какой бы то ни было уточняющий эпитет на них отсутствует. Так, в частности, на одной из дробниц знаменитого золотого оклада к иконе «Троица» из местного ряда Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря (вклад Дмитрия Ивановича Годунова) мы видим изображения апостола Филиппа (слева), Феодора Стратилата (в центре) и св. Феодота (справа) в виде святителя с Евангелием и подписью священномученик Феодот («С^ТА СВШНАМУ ѲЄ//С//Д//ОТЪ») [Зюзева, 2016. С. 68–69. Ил. 3]. На внешней стороне одной из створок складня-кузова с иконой «Богоматерь Владимирская» (возможно, также вклад царского дяди, Дмитрия Годунова) между изображениями Феодора Стратилата и преподобной Ксении мы находим фигуру в святительских одеждах с подписью «ѲЄС^ДОТЪ» [Реликвия рода Годуновых, 2018. С. 23, 29]. На одной из икон из частного собрания, приписываемой Прокопию Чирину, изображены Марія Магдалина, преподобная Ксенія, свв. Борис и Глеб и св. Феодот, причем над фигурой последнего имеется надпись «свѣщенныа Феω^ДОТЪ»⁵ (несколько забегаая вперед, обратим внимание, что здесь отсутствует св. Феодор Стратилат). Сохранился, кроме того, рукописный лист греческого лекционария, переписанного в 1596 г. в Москве Арсением Элассонским и украшенного русскими художниками, которые изобразили в медальонах уже привычных нам покровителей членов царской семьи и среди них св. Феодота с Евангелием и подписью «ѲЄС^ДОТЪ»⁶. Есть священномученик Феодот и на

4 Об этом артефакте см. также далее.

5 См.: [Sotheby's Icons, 1991. P. 106–107 (№ 556)]. В каталоге Сотбис интересующий нас святой идентифицирован как *Feodor of Ankara*, а в работе Н.М. Абраменко [Абраменко, 2012. С. 203–204] — как Феодот Киринейскій.

6 Авторы весьма признательны А.С. Преображенскому за указание на этот памятник и сообщение основных сведений о нем.

одной из дробниц так называемой жемчужной пелены «Крест на Голгофе» из Троице-Сергиевой лавры (вклад царя Бориса 1599 г.), где присутствуют и все остальные покровители членов семьи Годунова [Николаева, 1968. С. 150–151, 153; Балдин, Манушина, 1996. С. 383. Ил. 320, 321]. Святой, именуемый *священномученик Феодот*, был, судя по описи 1641 г., и на несохранившейся золотой панагии, подвешенной к венцам оклада на рублевской «Троице» (вклад Федора Борисовича), здесь он был изображен вместе со св. Феодором Стратилатом. В еще одном документе XVII в., в Описных книгах старицкого Успенского монастыря, упомянута икона: «предстоящіе страсотерпцы Борисъ и Глѣбъ да Ѳедоръ стратилать, да мученикъ Ѳеодотъ, да преподобная Марія и Ксенія» [Историческая библиотека, 1879. С. 33].

Кто же из свв. Феодотов — Анкирскій или Киринейскій — представлен на этих, не содержащих дополнительных помет, артефактах?

Казалось бы, многое здесь могла бы подсказать иконография, тем более что обратившись к житиям св. Феодота Анкирского и св. Феодота Киринейского трудно не заметить явного контраста, как будто бы заставляющего говорить о различных типах святости. В самом деле, св. Феодот Киринейскій был священнослужителем, епископом на Кипре, тогда как св. Феодот Анкирскій — содержателем корчмы, которая служила убежищем для гонимых христиан. Можно было бы заключить, таким образом, что только одному из них — Феодоту Киринейскому — приличествуют эпитет *священномученик* и изображение в святительских одеждах с Евангелием в руках а, соответственно, всякая икона или иной артефакт, где св. Феодот фигурирует с подобными атрибутами, именно к Феодоту Киринейскому нас и отсылает. Именно такой путь рассуждения избирают целый ряд исследователей, так или иначе затрагивающих проблему атрибуции артефактов, связанных с семьей Бориса Годунова [Трубачева, 1990; Абраменко, 2012. С. 203–206], однако они не учитывают, как кажется, одно весьма важное обстоятельство.

Уже на уровне служебных текстов, как греческих, так и славянских, происходит некое сложное смешение, отмеченное еще архиепископом Сергием (Спасским): в минеях и в прологе Феодот Анкирскій именуется, подобно святителям, «священномучеником», и тропарь ему составлен по священномученическому канону [Сергий (Спасский), 1901. Т. III. С. 186, 212]. Как указывается в заметках к «Полному месяцеслову Востока», некий риторический образ, провоцирующий именно такую форму прославления, содержится в самом тексте проложного Жития Феодота Анкирского, ибо там говорится, что он был учителем веры и благочестия, а корчемница его была храмом молитвенным и алтарем для иереев Божиих [Там же. С. 212].

Иначе говоря, то, что в житии является, скорее, частью метафоры, в служебных текстах трансформируется в устойчивую характеристику. Насколько эта характеристика закрепилась в традиции, свидетельствует, в частности, подлинная грамота патриарха Иова 1599 г. на построение связанной с Годуновыми надвратной церкви Феодота Анкирского — патриарх без тени сомнения именуется его *священномучеником*: «...воздвигнути новой каменной храмъ,

во имя святого священномученика Феодота Анкирского, да на тотъ храмъ и онтимись дати и освящати» [Рождественский, 1866. С. 23; С. 127. № 3/22].

Закономерным образом эпитет вызывает к жизни и соответствующие изображения — на Руси господствующим иконографическим типом для изображения благочестивого корчемника Феодота Анкирского становится фигура в пастырских одеждах с Евангелием в руке. Соответственно, видя перед собою икону с образом святителя и надписью *священномученик Феодот*, мы не можем знать, кто перед нами — Феодот Киринейский или Феодот Анкирский, а на подавляющем числе таких изображений годуновского круга, где фигура святого подписана более пространно, он назван именно Феодотом Анкирским. Собственно говоря, на всех перечисленных выше предметах, содержащих уточнение Анкирский, мы неизменно имеем дело с иконографическим образом священномученика — святительское облачение, Евангелие, благословляющий жест, все эти атрибуты присутствуют здесь в нескольких различных комбинациях. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что именно Феодот Анкирский изображен и на тех артефактах, связанных с царской семьей, где его имя не снабжено уточняющей пометой.

Как же быть, однако, с той единственной иконой, где в надписи над одним из святых покровителей семьи Годуновых отчетливо читается эпитет *Киринейский*? Здесь, по всей видимости, мы сталкиваемся с другим витком смешения святых с тождественными и похожими именами и характеристиками, относящимся к концу XVI столетия.

В самом деле, существуют две иконы, которые по композиции весьма сходны между собой, и при этом несколько отличаются от прочих артефактов годуновского круга. Одна из них находилась в соборе Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря, а другая — та, что нас сейчас более всего интересует — оказалась в Псковском музее, но по своему происхождению, возможно, также была связана с Новгородом. На обеих иконах слева от зрителя изображены св. Борис и Мария Магдалина (патрональные святые царя и его жены), а справа — преподобная Ксения и святой, обладающий иконографическими атрибутами священномученика. На обеих иконах над этой последней фигурой имеются надписи — на иконе из Антониева монастыря мы читаем «^оАГ ѠЕДОРЪАНГ РЪСКИИ» (т.е. св. Федор Анкирский)⁷, тогда как на иконе, волею судеб оказавшейся во Пскове, надпись выглядит как «ОАГѠЕДОКИРИНЕСКИ» (т.е. св. Федо(т/р?) Киринейский), где конечная буква имени и начальная буква эпитета являют собой лигатуру, в результате чего подпись с равным успехом можно читать как «Федор Киринейский» и как

7 См.: [Святые земли русской, 2010. С. 36–37. Кат. 10. Ил. 6]. Икона, ныне хранящаяся в ГРМ, указана в каталоге как «Святой князь Борис, священномученик Федот Киринейский, святая Мария Магдалина, преподобная Ксения Римлянина». Ср. также: [Абраменко, 2012. С. 204]. Соответственно, составители каталога намеренно или случайно пренебрегают надписью на иконе, гласящей «Федор Анкирский».

«Федот Киринейский» [Псковская икона, 1990. № 149; Васильева, 2012. С. 48–55. № 134]⁸.

Совершенно очевидно, что знаменщики, выполнявшие надписи на иконах, оказались здесь в плену некой путаницы, и не между двумя, а сразу между четырьмя святыми, присутствующими в православных месяцесловах. Дело в том, что в святцах есть не только свв. Феодот Анкирский и Феодот Киринейский, но и свв. Феодор Анкирский и Феодор Киринейский. Дополнительная сложность заключается еще и в том, что вместе с епископом Феодором Анкирским, празднование которому приходится на 3 ноября, отмечается и память его сомучеников Дасия, Севира, Андрона, Феодота и Феодоты, а в один день со священномучеником Феодором Киринейским (4 июля) в некоторых месяцесловах обнаруживается память мучеников Феодота и Феодотии, пострадавших при Траяне.

Как мы знаем, подобная календарная близость в русской коммеморативной традиции нередко провоцирует смешение эпитетов и атрибутов даже и у святых с несходными именами (ср.: [Литвина, Успенский, 2019/3. С. 152, примеч. 30]). Перекрестное же смешение Феодоров и Феодотов, часть из которых более известны, а другие — более раритетны, выглядит в этой ситуации переплетающей имена и даты, почти неизбежной. Иначе говоря, знаменщику было чрезвычайно легко запутаться среди двух мучеников анкирских и двух мучеников киринейских, именовавшихся *Феодорами* и *Феодотами*, тем более что каждый из них обыкновенно изображался как священномученик.

Причудливые пути, по которым может осуществляться подобное смешение, очень интересны сами по себе и способны многое поведать о культуре святых на Руси на рубеже XVI–XVII вв. Очевидно, однако, что результат этой путаницы — эпитет «Киринейский» на одной-единственной годуновской иконе возле имени, которое можно прочесть и как *Феодор*, и как *Феодот*, — никак не может служить решающим аргументом в вопросе о том, кто из свв. Феодотов почитался в царской семье. Во всяком случае, эти противоречивые и неопределенные данные никак не перевешивают свидетельств достаточно многочисленных икон и других артефактов, прямо связанных с Годуновыми, где имеется недвусмысленное указание на Феодота Анкирского. Иначе говоря, именно этой святой, чья память празднуется 7 ноября, 18 мая и 7 июня, был личным небесным покровителем одного из членов царской семьи. Кому же из Годуновых покровительствовал Феодот Анкирский?

До сих пор все исследователи исходили из одной-единственной возможности и полагали, что св. Феодот — раз уж он присутствует на семейных иконах и артефактах — непременно должен быть патроном самого царя Бориса. Какое место имя *Феодот* могло бы в таком случае занимать в антропонимическом

8 Авторы описаний, И.С. Родникова и О.А. Васильева, уверенно полагают, что на этой иконе изображен «Феодот Киринейский, епископ г. Кириной на о. Кипр, пострадавший в начале IV в. во времена гонения на христиан при императоре Ликийнине» [Псковская икона, 1990. С. 317]. Ср. также: [Трубачева, 1990; Абраменко, 2012. С. 204].

досье царя? Как было показано выше, ни крестильным, ни публичным оно не являлось — обе эти функции выполняло имя *Борис*, не было оно и монашеским, потому что в иночестве царь, как мы помним, сделался *Боголепом*. На его долю оставалась только роль пресловутого «благочестивого придатка», особым образом маркирующего день появления будущего царя на свет⁹. Полностью исключить эту версию мы не можем, однако и предпочтение отдавать ей не склонны.

В самом деле, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, такой обычай, когда ребенка не крестили по дню рождения, но все же сохраняли для него выпавшее по календарю именование в качестве дополнительного, в XVI в. практиковался только в правящем доме московских Рюриковичей, к которому Годунов по рождению, разумеется, не принадлежал. Конечно, можно допустить, что Борис попросту подражал своим предшественникам на троне и задним числом ввел в свой личный благочестивый обиход Феодота Анкирского как святого, на день памяти которого он появился на свет. Но и это предположение выглядит не вполне надежным.

Здесь следует принять в расчет календарные соображения: Борис, по всей видимости, праздновал именины 24 июля (память Бориса и Глеба)¹⁰, а все дни поминовения св. Феодота Анкирского отстоят от этой даты довольно далеко. Нужны какие-то специальные основания, чтобы ребенка, родившегося, например, 7 июня, 18 мая или 7 ноября, крестили *Борисом*, тем более что родовым и частотным у Годуновых это имя отнюдь не было. Кроме того, носители крестильного имени *Борис* в миру, как правило, не нуждались в еще одном святом тезке, поскольку им уже был обеспечен патронат двух святых братьев, Бориса и Глеба, что и отражено на множестве артефактов годуновского времени.

Все эти препятствия — неопределенность функционального статуса, отсутствие календарной связности, специфика имени *Борис* в русском антропонимическом обиходе — полностью исчезнут, если мы обратимся к иной возможности и предположим, что под непосредственным патронатом Феодота Анкирского находился не царь Борис, а его сын Федор. Действительно, обращаясь к антропонимическому досье царевича, нетрудно убедиться, что *Федором* он был наречен в честь Феодора Стратилата. Такое именование замечательно подходило ему сразу по двум линиям преемственности — собственно семейной и властно-

9 Такую возможность допускала, в частности, М.В. Мартынова [Мартынова, 1999. С. 333, примеч. 6].

10 В 1595 г. Борис Федорович, еще в бытность свою боярином и царским конюшим, дал вклад по себе и по своей жене. Соответственно, дата заздравного корма по нему самому определялась как «июля въ кѣд [24] день, на пама^т Бориса: Глѣба» (Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминак в дом Живончальные Троицы в Ыпацкий монастырь. 1728. Костромской музей-заповедник (КМЗ КОК 24010). Л. 15 об.). «Память царю Борису, во иноцех Боголепу» указана под 24 июля и в других источниках коммеморативного типа — во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря и Кормовой книге Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [Источники, 1985; Суворов, 1861. С. 309].

элитарной. *Федором* был его родной дед по отцу, скончавшийся за много лет до появления внука на свет, и, с другой стороны, по Феодору Стратилату, как известно, был наречен царь Федор Иванович, супруг родной тетки мальчика, тот самодержец, преемником которого суждено было сделаться его отцу.

При этом трудно не заметить, что одно из празднований Феодоту Анкирскому, 7 июня, приходится прямо на канун летнего празднования Феодору Стратилату — именно в этот день, 8 июня, царь Федор Иванович отмечал свои именины [Литвина, Успенский, 2019/2. С. 62]. Роль такого рода канунов при выборе христианского имени для ребенка на Руси трудно переоценить, в частности, они дают богатейшую почву для наречения двумя календарными именами сразу. Так, родившийся 21 марта получает крестильное имя *Иаков* (в честь Иакова Исповедника, чья память отмечается в этот день) и публичное имя *Василий* (по Василию Анкирскому — 22 марта), те, кто становился в крещении *Иакинфами* (по св. Иакинфу Кесарийскому, 3 июля), в публичной жизни легко делались *Андреями*, поскольку 4 июля празднуется память Андрея Критского, а ставшие *Емелианами* по празднованию св. Емелиану Тревильскому (18 августа) получали второе имя *Андрей* по Андрею Стратилату (19 августа). В результате более популярное и расхожее имя очень часто образует своеобразную антропонимическую пару с именем святого, чья память отмечается в предшествующей или последующий день. Это происходило, судя по всему, и с именами *Феодот* и *Федор* — их оба носили, например, тесть Ивана Грозного Федор / Феодот Нагой, дьяк XVII в. Федор / Феодот Грибоедов, а, по всей видимости, и живший в первой половине XVI столетия Федор / Феодот Сабуров.

Таким образом, вполне естественно допустить, что сын Бориса Годунова появился на свет 7 июня и Феодот Анкирский стал его «святым дня рождения», а имя *Федор* (и патронат Феодора Стратилата) идеально подошло ему как по календарным, так и по всевозможным семейным соображениям.

В пользу данного предположения свидетельствуют, как кажется, и композиционные особенности тех годуновских артефактов, на которых присутствуют все святые покровители этой семьи. В самом деле, всюду, где появляются парные изображения (двое святых на одной дробнице, в одном медальоне и т.п.), св. Феодот Анкирский непременно соседствует именно со св. Феодором Стратилатом. Такое сочетание мы можем наблюдать, например, на окладе иконы «Богородица Смоленская», на дробнице с золотого оклада иконы «Троица» из костромского Ипатьевского монастыря, на одной из дробниц с сударя из Троице-Сергиевой лавры [Борис Годунов, 2015. С. 318–319. №131]¹¹, а также, судя по Описи 1641 г., на одной из золотых панагий (медальонов), приложенных Федором Борисовичем к иконе «Троица» Андрея Рублева. Обыкновенно совместное изображение святых, никак не связанных между собой агиографически, на личных или семейных вкладах обусловлено тем, что они являются небесными покровителями-тезками одного и того же лица.

11 Автор описания Г.П. Черкашина.

Коль скоро же святые на том или ином годуновском вкладе представлены по одному, свв. Феодор Стратилат и Феодот Анкирский, как правило, соседствуют друг с другом, нередко соотносясь тем или иным способом с изображением преподобной Ксении, или, формулируя несколько иначе, святые покровители родителей (свв. Борис, Глеб и Мария Магдалина) составляют одну группу, а патроны детей — другую. Разумеется, подобные наблюдения над композицией куда менее бесспорны (очевидно, что взаиморасположение относительно небольшой группы святых зачастую может прочитываться по-разному), однако в иных случаях и они могут быть довольно определенны и выразительны.

В такой перспективе очень интересен надгробный покров царевича Федора Борисовича, изготовленный попечением его единственной сестры Ксении. Здесь несколько десятков дробниц с одиночными изображениями святых выложены в форме голгофского креста. В самом основании креста находится дробница со св. Феодотом Анкирским, на соседней же дробнице мы видим Феодора Стратилата, относительно близко — преподобную Ксению (их разделяют дробницы со св. Кириллом и апостолом Филиппом). Изображения же свв. Бориса, Глеба и Марии Магдалины находятся на значительном удалении — Борис и Глеб расположены в самой верхней части креста, обрамляя с двух сторон дробницу с фигурой Богородицы. Дробница со св. Марией Магдалиной находится лишь немногим ниже, непосредственно под пересечением с верхней планкой креста. Подобная комбинация дробниц достаточно определенно, на наш взгляд, подталкивает к выводу, что св. Феодота Анкирского (как и Феодора Стратилата) следует считать личным небесным заступником скончавшегося царевича Федора, небесными же патронами его отца — святых братьев Бориса и Глеба.

Высказанное нами допущение вносит, в частности, определенные коррективы в сложившуюся датировку нескольких уже упоминавшихся в этой работе икон — из Антониева монастыря, из Псковского музея и той иконы из частного собрания, которая приписывается Прокопию Чирину. В самом деле, до сих пор, руководствуясь убеждением, что св. Феодот это патрон Бориса, а единственный покровитель царевича — Феодор Стратилат, исследователи полагали, что отдельные семейные иконы Годунова, где Стратилата нет, написаны до того, как Федор Борисович появился на свет, т.е. до 1589 г. [Трубачева, 1990. С. 15]. Однако поскольку священномученик Феодот или его, так сказать, условный заместитель (святый, именуемый «Феодор Анкирский», или «Федо(т/р?) Киринейский») в таких композициях присутствует, мы, по всей видимости, попросту имеем дело с вполне возможной в XVI–XVII столетии практикой, когда на патрональной иконе или вкладном артефакте изображается лишь один из двух небесных заступников того или иного лица. В некоторых других случаях в качестве покровителя царевича может появиться только Феодор Стратилат¹², хотя, повторимся, куда более типичной является ситуация, когда на годуновских вкладах фигурируют оба его святых.

12 Ср., например: [Зюзева, 2019. С. 114–116].

Следует ли полагать, что *Феодот* было крестильным именем Федора Борисовича? Как кажется, тот факт, что изображение Феодота Анкирского было помещено в самое основание Голгофского креста на надгробном покрове царевича, может подтолкнуть именно к такому выводу. Или Борис Годунов, который к моменту рождения этого сына де-факто управлял страной и был чрезвычайно близок к семье правящего государя Федора Ивановича, решил во всем подражать последним Рюриковичам на престоле и дал тому в крещении родовое имя *Федор*, а *Феодот* оставил в качестве благочестивого дополнения? Решить этот вопрос однозначно мы едва ли сможем — слишком мало антропонимических данных сохранилось о сыне Годунова, который не пробыл на престоле и трех месяцев и не смог в качестве самодержца укрепить культ своих патрональных святых. Так или иначе, повторимся, Федор Борисович — куда более основательный кандидат на наречение во имя Феодота Анкирского в семье Годуновых, нежели его отец Борис.

Итак, наиболее вероятным нам представляется такой антропонимический сценарий, согласно которому у Бориса Годунова в миру был лишь один святой тезка и два небесных заступника — Борис и Глеб, но зато два имени и, соответственно, двое небесных тезок было у его сына Федора Борисовича — Феодор Стратилат и Феодот Анкирский.

ЛИТЕРАТУРА

- Абраменко Н.М. Образы святых князей Бориса и Глеба в иконописи и прикладном искусстве конца XVI — начала XVII в. Патрональная тема в искусстве времени Бориса Годунова // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. ст. Вып. II / Под ред. А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2012. С. 201–208.
- Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Каталог древнерусской живописи. М.: Искусство, 1963. Т. I–II.
- Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М.: Наука, 1996. 549 с.
- Васильева О.А. Иконы Пскова. Каталог. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. II: Вторая половина XVI — XVIII в. М.: Северный паломник, 2012. 295 с.
- Зюзева С.Г. Золотой оклад иконы «Троица» конца XVI века: Иконографические и стилистические особенности лицевых изображений // Московский Кремль в государственной жизни России: Четыре столетия истории. (Музеи московского Кремля: Материалы и исследования. Вып. XXVII.) М., 2016. С. 64–80.
- Зюзева С.Г. Оклад иконы «Богородица Знамение». История создания и проблемы атрибуции // Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сб. ст. В 2 кн. Кн. II. М., 2019. С. 111–120.
- Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь: Тип. Губернского правления, 1879. Т. I. [400] с.
- Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М.: Ин-т истории СССР, 1985. 210 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. Т. I–XII. СПб., 1842–1843. [Репр. с приложением «Ключа, или Алфавитного указателя», составленного П.М. Строевым: М.: Книга, 1988.]

- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. №4 (74), декабрь. С. 63–79.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. XIII / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2018. С. 241–280.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jrg. 64. Heft 1. S. 108–127.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. №1 (75), март. С. 61–66.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Т. 8/1. С. 133–161.
- Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI в. // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1999. С. 318–335.
- Николаева Т.В. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л.: Аврора, 1968. 250 с.
- Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.
- Псковская икона XIII–XVI веков / Авт. вступ. ст. М.В. Алпатов, И.С. Родникова; сост. альбомов и авт. кат. И.С. Родникова. Л.: Аврора, 1990. 324 с.
- Реликвия рода Годуновых: Складень-кузов с избранными праздниками и святыми. Каталог выставки / Авт.-сост. С.В. Гнутова. М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2018. 32 с.
- Рождественский В.А. Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря. М.: Тип. В. Готье, 1866. 150 с.
- Савваитов П.И. Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря (По описным книгам 1668 г.) // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. русского Археологического общества. СПб.: Тип. И. Огризко, 1861. Т. II. С. 126–343.
- Святые земли русской / Науч. рук. Е. Петрова; авт. ст. Т. Вилинбахова, И. Сосновцева. СПб.: Palace Editions, 2010. 256 с.
- Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. I–III. [Репр.: М.: Православный паломник, 1997.]
- Суворов Н.И. Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря // Известия императорского Археологического общества. 1861. Т. III, часть 4. С. 301–327.
- Тренев Д.К. Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря: Образцовый русский иконостас XVI–XVII веков, с прибавлением краткой истории иконостаса с древнейших времен. [Б. м.], 1902.
- Трубачева М.С. Патрональная икона семьи Бориса Годунова // Реставрация и исследование темперной живописи и деревянной скульптуры: Сб. науч. тр. ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря. М., 1990. С. 13–21.
- Тюменцев И.О., Тупикова Н.А. Новые письма и челобитные Смутного времени из Троице-Сергиева монастыря и его вотчин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. LXIII. Вып. 3. С. 935–948.
- Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 340 с.
- Харузин Н.Н. К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин: Типо-литография М.В. Глезера, 1899. С. 150–171.
- Sotheby's: Icons, Russian Pictures and Works of Art. London, Thursday 28th November 1991. London, 1991.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Борис Годунов и его семья в зеркале русской средневековой многоименности

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвина Анна Феликсовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. annalitivina@gmail.com
Успенский Федор Борисович — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заместитель директора, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2
fjodor.uspenskiy@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе предлагается новый взгляд на «антропонимическое досье» Бориса Годунова и членов его семьи. В свое время недостаточная осведомленность относительно структуры русской средневековой многоименности могла приводить не только к появлению в научных трудах лишних, никогда не существовавших людей, но и к возникновению у лиц вполне реальных — лишних, фантомных имен, которых у них не было, а зачастую и не могло быть. В статье рассматриваются имена, которыми царь обладал бесспорно, и те, что ему усваиваются в исследовательской литературе (*Борис, Боголеп, Иаков, Богдан, Феодот*). Особое внимание уделяется культу личных патрональных святых в семье Годунова, прежде всего св. Феодоту, и поднимаются вопросы, связанные с атрибуцией и датировкой отдельных артефактов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Средневековая Русь, Борис Годунов, царевич Федор Борисович, имянаречение в допетровской Руси, мирская христианская двуименность, культ личных небесных покровителей.

TITLE

Boris Godunov and His Family in the Light of Medieval Russian Multi-name tradition (Polyonymy)

AUTHORS

Litvina, Anna Feliksovna — PhD, Leading Fellow, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmanaya, 21/4, 105066, Moscow, Russia. annalitivina@gmail.com
Uspenskij, Fjodor Borisovich — Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Vinogradov' Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka, 18/2, 119019, Moscow, Russia. fjodor.uspenskiy@gmail.com

ABSTRACT

This paper considers a new look on the “anthroponymical dossier” of Boris Godunov and his family. Insufficient familiarity with the structure of the Medieval Russian polyonymy (that is, the practice of using many names for the same person) has been known to lead not only to the introduction of redundant and never-existing people to research papers, but also to real people taking redundant, imaginary names, which they did not and often could not have taken in reality. This paper takes a look at both the names the tsar had, without a doubt, and the names under which he existed in previous research (*Boris, Bogolep, Iakov, Bogdan, Theodot*). Special attention is given to the personal patron saints' cult in Godunov's family, mostly to St. Theodotus. Some problems of attribution and dating of several artifacts are raised.

KEYWORDS

Medieval Rus', Boris Godunov, Fyodor Borisovich Godunov, name giving in pre-Petrine Rus', secular Christian dionymy, cult of personal patron saints.

REFERENCES

- Abramenko N.M. Images of the Russian Saints Princes Boris and Gleb in the Art of the Period of the Tsar Boris Godunov. Tradition of the Veneration of the Tutelar Saints of Russian Tsars. A.V. Zakharova (ed.). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sbornik nauchnykh statei (Actual Problems of Theory and History of Art. Collection of Articles)*, 2012, no. 2, pp. 201–208 (in Russian).
- Alpatov M.V., Rodnikova I.S. (eds.) *Pskovskaia ikona XIII–XVI vekov (Pskov Icon of the 13th–16th centuries)*. Leningrad, Avrora Publ., 1990. 323 p. (in Russian).
- Antonova V.I., Mneva N.E. *Katalog drevnerusskoi zhivopisi. Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii: v 2 t. (Catalog of Ancient Russian paintings. Historical and Artistic Classification Practice. In 2 vol.)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. (in Russian).
- Baldin V.I., Manushina T.N. *Troitse-Sergieva lavra: Arkhitekturnyi ansambl' i khudozhestvennye kollektsii drevnerusskogo iskusstva XIV–XVII vv. (The Trinity-Saint Sergius Lavra: The Architectural Ensemble and Old Russian Art Collections 14th – 17th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1996. 549 p. (in Russian).
- Gnutova S.V. *Relikviia roda Godunovykh: Skladen'-kuzov s izbrannymi prazdnikami i sviatymi. Katalog vystavki (Relic of the Godunov Family. 'Skladen-kuzov' with Selected Holidays and Saints. Exhibition catalog)*. Moscow, Tsentral'nyi muzei drevnerusskoi kul'tury i iskusstva im. Andreia Rubleva Publ., 2018. 32 p. (in Russian).
- Icons, Russian Pictures and Works of Art. Sotheby's Auction Catalogue: London, Thursday, 28th November 1991*. London, Sotheby's Publ., 1991. 226 p.
- Istoricheskaia biblioteka Tverskoi eparkhii (Historical Library of the Tver Eparchy)*, vol. 1. Tver, Tipografiia gubernskogo pravleniia Publ., 1879 (in Russian).
- Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo (History of the Russian State)*, Reprint of the 1842–1844 edition: in 3 books with appendix by P.M. Stroeve. Moscow, Kniga Publ., 1988 (in Russian).
- Kharuzin N.N. On the Use of Non-Calendar Names in Pre-Petrine Russia. *Sbornik istoriko-filologicheskogo obschestva pri institute kniazia Bezbordko v Nezhine (The Historical and Philological Society at the Nezhin Prince Bezbordko Historical-Philological Institute. Collection of Studies)*, vol. 2, Nezhin, 1899, pp. 150–171 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Christian Dual-naming in the Ruling Dynasty in Russia: Stages of Evolution. *Die Welt der Slaven*, 2019, 64 (1), pp. 108–127 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries). *Slovene (Slovène. International Journal of Slavic Studies)*, 2019, no. 8 (1), pp. 133–161 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Monastic Name and the Phenomenon of Christian Double-naming in Pre-Petrine Russia. A.A. Gorskii (ed.). *Srednevekovaiia Rus', vyp. 13 (Medieval Russia, no. 13)*. Moscow, Indrik Publ., pp. 241–280 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Names and Dates in the Family of Tsar Fedor Ivanovich. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 2019, no. 1 (75), pp. 61–66 (in Russian).
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Relationship to the Ruling House, as Reflected in Female Personal Names (early Romanovs and Dmitry Godunov's family). *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 2018, no. 4 (74), pp. 63–79 (in Russian).
- Martynova M.V. The Cover of the Icon “Virgin of Smolensk” and Niello Engraving of the 16th Century. *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremliia: Materialy i issledovaniia. (The Annunciation Cathedral in Moscow Kremlin. Materials and Research)*. Moscow, Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml'” Publ., 1999, p. 318–335 (in Russian).
- Nikolaeva T.V. *Sobranie Drevnerusskogo iskusstva v Zagorskom muzee. (Collection of Early Russian Art in Zagorsk Museum)*. Leningrad, Avrora Publ., 1968. 250 p. (in Russian).
- Pavlov-Sil'vanskii V. B. (prep.), Koretskii V.I. (ed.). *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria (Sources on the Socio-Economic History of Russia of the 16th–18th Centuries from the Archive of the Moscow Novodevichy Convent)*. Moscow, Institut istorii SSSR, AN SSSR Publ., 1985. 210 p. (in Russian).
- Petrova E. (ed.). *Sviatye zemli russkoi (Saints of the Russian Land)*. Saint Petersburg, Palace Editions Publ., 2010. 256 p. (in Russian).
- Platonov S.F. *Drevnerusskie skazaniia i povesti o Smutnom vremeni XVII veka, kak istoricheskii istochnik (The Old Russian Legends and Stories about the Great Distemper of the 17th Century as the Historic Sources)*. Saint Petersburg, Tipografiia V.S. Balasheva, 1888. 372 p. (in Russian).
- Rozhdstvenskii V.A. *Istoricheskoe opisanie Serpukhovskogo vladychnogo obshchezhitel'nogo devich'ego monastyria (Historical Description of the Serpukhov Vladychny Cenobitic Maiden Monastery)*. Moscow, Tipografiia V. Got'e, 1866. 150 p. (in Russian).
- Savvaitov P.I. Churches and Sacristies of the Kirillo-Belozersky monastery (According to the Description Books of 1668). *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii imperatorskogo russkogo Arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archeological Society)*, Saint Petersburg, 1861, vol. 2, pp. 126–343 (in Russian).
- Sergii (Spasskii). *Polnyi mesiatsestov Vostoka (The Complete Eastern Orthodox Menologium)*, vols. 1–3. [Reprint of the 1901 ed., Vladimir.] Moscow, Pravoslavnyi palomnik, 1997 (in Russian).
- Suvorov N.I. Kormchaya of the Vologodsky Spaso-Prilutsky Monastery. *Izvestiia imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Archeological Society)*, vol. 3/4, Saint Petersburg, Tipografiia Akademii Nauk, 1861, pp. 301–327 (in Russian).
- Trenev D.K. *Ikonostas Smolenskogo sobora moskovskogo Novodevich'ego monastyria: Obrazcovyi russkii ikonostas XVI–XVII vekov, s pribavleniem kratkoi istorii ikonostasa s drevneishih vremen (Iconostasis of The Smolensk Cathedral of the Moscow Novodevichy Convent with the Addition of a Brief History of the Iconostasis since the Most Ancient Times)*, s.l., 1902 (in Russian).
- Trubacheva M.S. Patron Icon of the Boris Godunov Family. *Restavratsiia i issledovanie tempernoi zhivopisi i dereviannoi skulptury. (Restoration and Research of Tempera Paintings and Wooden Sculptures)*. Moscow, Vserossiiskii khudozhestvennyi nauchno-restavratsionnyi tsentr Publ., 1990, pp. 13–21 (in Russian).
- Tyumentsev I.O., Tupikova N.A. Newly Discovered Letters and Petitions of the Time of Trouble from the Trinity Lavra of St. Sergius and its Patrimony. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii (Vestnik of Saint Petersburg University. History)*, 2018, vol. 63, no. 3, pp. 935–948 (in Russian).
- Uspenskij B.A., Uspenskij F.B. *Inocheskie imena na Rusi (The Monks' Names in Rus')*. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017. 340 p. (in Russian).
- Vasil'eva O.A. *Ikony Pskova. T. 2. Katalog: vtoraiia polovina XVI–XVIII vv (Pskov Icons, vol. 2. Catalogue: the Second Half of the 16th – 18th Century)*. 3rd ed. Moscow, Severnyi Palomnik Publ., 2012. 295 p. (in Russian).
- Zyuzeva S.G. Golden Cover of the “Trinity” Icon of the Late 16th Century: Iconographic and Stylistic Features of Figures. *Moskovskii Kreml' v gosudarstvennoi zhizni Rossii: Chetyre stoletii istorii. (Muzei moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia. Vyp. 27). (The Moscow Kremlin in the State Life of Russia. Four Centuries of History. Moscow Kremlin Museums: Materials and Research, no. 27)*. Moscow, Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml'” Publ., 2016, pp. 64–80 (in Russian).
- Zyuzeva S.G. The Cover of the Icon “Mother of God of the Sign”. History of Creation and Problems of Attribution. *Moskovskii Kreml' v XVII v. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Sbornik statei v 2 knigakh. Kn. 2. (Moscow Kremlin in the 17th Century. Ancient Shrines and Historical Monuments: Collected Works in 2 Vols, vol. 2)*. Moscow, State Historical-cultural Museum-preserve “The Moscow Kremlin”, BuksMart Publ., 2019, pp. 111–120 (in Russian).